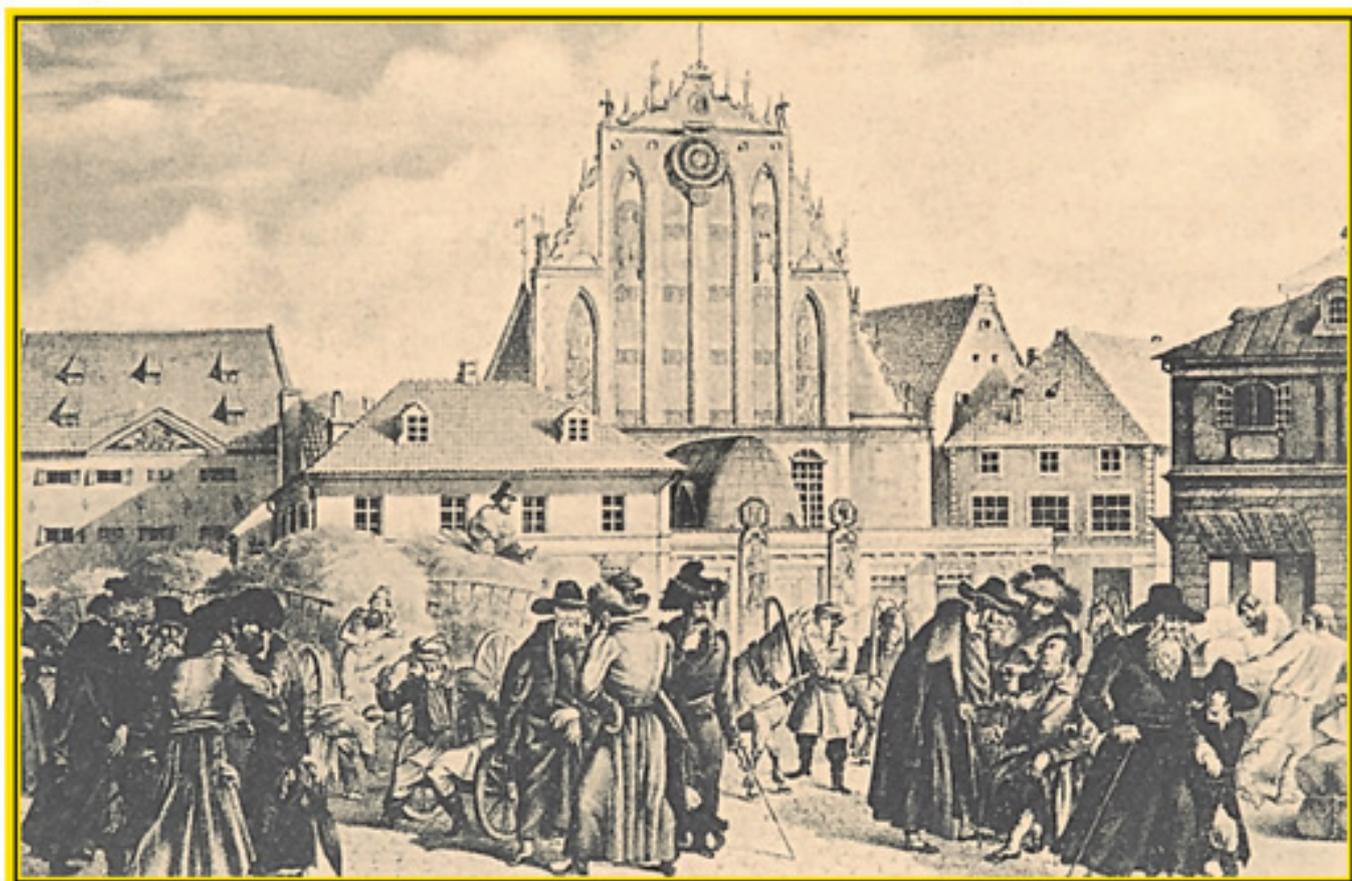

ПОЛ КРИВАЧЕК

ИДИШСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ:

**становление и упадок
забытой нации**

Пол Кривачек

**Идишская цивилизация:
становление и упадок
забытой нации**

«Мосты культуры»

2012

Кривачек П.

Идишская цивилизация: становление и упадок забытой нации /
П. Кривачек — «Мосты культуры», 2012

Идишская цивилизация исчезла с земли, где она родилась, ее истинная история была почти забыта. Но она оставила неизгладимый след, и не только в Восточной Европе. Незадолго до ее конца массовая эмиграция евреев в США в конце XIX – начале XX века перенесла еврейские религиозные представления, ценности и традиции на другую сторону Атлантики, где представители идишской цивилизации через кинематограф, музыку, литературу и изобразительное искусство, не говоря уже о торговле и промышленности, внесли свой вклад в то, что мы называем американским образом жизни, и, таким образом, в нашу эпоху глобализации, в образ жизни всего мира.

Содержание

Введение	5
Бист а ид?	10
Корни-шморни!	15
Nostalgie de la boue	18
Евреи Рима	22
Корзина да сено	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Пол Кривачек

Идишская цивилизация: становление и упадок забытой нации

Ассамблея рекомендует комиссии Кабинета министров <...> по случаю 50-й годовщины окончания Второй мировой войны и в память фактического уничтожения еврейской цивилизации в Европе воздвигнуть подобающий монумент <...>

Принято Постоянным комитетом, действующим от имени Ассамблеи, 20 марта 1996 г.

Парламентская ассамблея Совета Европы. Рекомендация 1291 (1996), секция 9, параграф viii.

Были между них такие, которые оставили по себе имя, чтобы им могли быть возданы похвалы.

И были такие, о которых не осталось памяти, которые исчезли, как будто их не было никогда, и сделались как бы не существовавшими, также и дети их после них.

Но были они милосердные люди, праведность которых не должна быть забыта.

Мишлей Йегошуа Бен-Сира (Экклесиастик)

Введение

Пасха 1990 года. Краина деревни на юге Польши, на полпути между Краковом и Кельце. Католичка Агнешка, молодая мать, сидя за пластиковым столом на обветшавшей кухне, осторожно вырезает из израильской детской книжки тексты на иврите. Рядом с растущей стопкой бумажек лежит груда деревянных голов, рук, ног и длинных плоских туловищ. Окрасив все, кроме лиц, черной краской, а бороды – серой, она соединяет детали, приклеивает к ним кусочки искусственного меха, а к рукам – ивритские тексты. Собранные фигурки величиной в фут она расставляет перед собой на полке, и хасидская конгрегация постепенно растет. Куклы в отороченных мехом кафтанах и в собольих шапках устанавливаются на пружинах. Легкий удар по полке – и они начинают раскачиваться взад и вперед, как растревоженные дети; это движение, называемое на идише *шокельн*, в точности повторяет движения восточноевропейских евреев во время молитвы.

Такая кукла, подаренная на Пасху, приносит удачу, и у Агнешки всегда много покупателей. В прежние времена, рассказывает она мне, дети бегали за возвращавшимися из синагоги хасидами, чтобы прикоснуться к ним – на счастье. Теперь, думаю я, единственная растущая еврейская община во всей Польше сделана из дерева.

Агнешке едва ли более тридцати пяти лет, она родилась не раньше середины 1950-х годов. Я спрашиваю, видела ли она когда-нибудь ортодоксального еврея вживую. Мой вопрос показался ей глупым. «Это наша традиция, часть польской культуры на протяжении столетий», – говорит Агнешка.

Осень 2001 года. По дороге в краковский аэропорт я выглядываю из окна такси на рыночной площади и вижу стоящий на высоком пьедестале памятник польскому поэту Адаму Миц-

кевичу. В его великой поэме «Пан Тадеуш» представлено двойственное отношение к евреям, но один из наиболее значительных образов поэмы – патриот Польши еврей Янкель. «Израилю, нашему старшему брату, – писал Мицкевич, – честь, братское отношение и помощь в стремлении к его вечным и временным целям. Равные права во всем!» Я спросил таксиста, что думают сегодня поляки о полном исчезновении еврейской общины, сыгравшей важную роль в их истории. «Вы должны понять, – ответил он, – что прежняя Польша ушла навеки. После 1945 года мы должны были начать все сначала. И мы должны были сделать так еще раз, когда ушли русские. Сегодня мы, поляки, – другой народ. Даже наши границы совсем иные. Конечно, мы унаследовали какие-то воспоминания и некоторые традиции прошлого, но мы чувствуем, что в действительности все это не наше. В далеком будущем мы будем рассказывать истории о давних временах, когда среди нас жили евреи. Но это будет похоже на сказки, которые другие народы рассказывают детям о людоедах, великанах и феях».

Весна 2002 года. Белорусский поселок Раков под Минском. Деревенская учительница в бесформенном синем платье, открыв стеклянную витрину, вытаскивает потрепанный журнал, сдувает с него пыль, и мы оказываемся в 1902 году. Страницы расчерчены на две половины: одна для имени, другая для годовых оценок по каждому предмету в отдельных колонках. Мендель и Славик отличились по арифметике. Эстер не мешало бы подтянуть географию. Люба, Пешке и Вова получили отличные оценки по письму. Аврум, Мойше, Янкель и Зяма – первые ученики в классе. Около половины имен нет в колонке, отведенной для Закона Божьего. Все это еврейские дети.

Было излишним спрашивать, что стало с большинством из них. Учительница уже сводила меня к покрашенному синей краской памятнику, установленному на том месте, где гитлеровская зондеркоманда сожгла дотла раковскую синагогу вместе со всей общиной. Я спрашиваю, когда евреи поселились здесь, что их привело сюда и как они жили. Учительница разводит руками в искреннем недоумении: «Я не знаю. По правде, мне очень жаль. Но, понимаете, это не относится к истории Белоруссии».

Так чья же это история, история евреев, живших в Восточной Европе на протяжении тысячи лет? Те, кто выжил, уехал и обосновался в других местах, в большинстве своем проявляют мало интереса к реальным подробностям того, что они воспринимают как не более чем ужасную сагу об угнетении и бесконечных гонениях. Присоединившись к новому обществу, они изучают историю своего нового дома – Франции, Великобритании, Аргентины, Австралии или США. Верующие евреи хранят в своей памяти лишь имена раввинов и мудрецов, внесших вклад в развитие религиозной мысли. Происходящим из Испании евреям-сефардам, с конца XV века последовательно мигрировавшим в Северную Африку, Турцию, Нидерланды и в Британию, интересно прежде всего собственное прошлое. Таким образом, жизнь целого народа утонула в великом забвении. Четыреста лет назад пражский раввин Давид бен Соломон Ганс (1541–1613) писал: «Все мы как будто родились вчера». С тех пор мало что изменилось.

Данное эссе представляет собой попытку осмыслить эту утерю памяти и спасти прошлое говорившего на идише народа от забвения, собрать воедино подсказки, которые дают нам историки, и определить, как много из идишской истории мы забыли.

Мы забыли, что благодаря Римской империи народы Ближнего Востока и Северной Африки постепенно превратились в европейские нации; как благодаря разделу империи появились западные и восточные евреи; как обе эти ветви развивали наследие римлян, пока спустя столетия они не воссоединились в Центральной Европе и не слились в один народ, говорящий на идише, или в идишский народ, как я буду называть его далее. Само слово *идиш* означает говорящих на языке идиш евреев и относится как к языку, так и к говорящему на нем народу, к культуре этого народа и к цивилизации, которую он построил.

Мы забыли, что говорящие на идише евреи не только были религиозным и языковым меньшинством, но и сформировали одну из европейских наций, более многочисленную, чем некоторые другие, постепенно обогнав в численности боснийцев, хорватов, датчан, эстонцев, латышей, словаков, словенцев и швейцарцев, не говоря уже об ирландцах, шотландцах и валлийцах. Более того, их вклад в экономическое, социальное и интеллектуальное развитие Центральной и Восточной Европы существенно превышает их долю в численности населения. Идишский народ можно считать одним из самых значительных в Европе. (Прошу при этом заметить, что Ирландия, Испания, Италия и Польша настаивали на провозглашении в конституции Европейского союза «христианских корней континента».)

Мы забыли, что идишские язык и культура зародились, выросли и созрели на славянских землях Восточной Европы, в современных Белоруссии, Польше, России и Украине, в изначально славянских землях – Австрии, Баварии, Саксонии и Бранденбурге, а также в подвергшихся сильному славянскому влиянию Литве, Румынии и Венгрии, откуда в конце XIX – первом десятилетии XX века поколения мигрантов отправились на запад в поисках свободы и улучшения своего материального положения.

Мы забыли, что идишский образ жизни создавался одновременно в тесной связи и в конфронтации с католиками. Хотя в последнее столетие перед Холокостом значительная часть евреев жила на православной территории, они попали туда сравнительно поздно, в силу исторических событий. Однако становление идишского народа происходило среди баварцев и австрийцев, богемцев и моравцев, поляков и литовцев, которые все исповедовали католицизм.

Таким образом, хотя ни одна из сторон не захочет этого признать, идишский мир был продуктом не только собственно еврейской, но и католической и славянской культур, общим детищем евреев, славян и католиков. Роза расцветает по велению искры жизни, но и садовник, ухаживающий за розовым кустом, имеет полное право чувствовать гордость за его цветение; так и католическо-славянский мир справедливо может чувствовать себя наполовину родителем идишского мира и гордиться его достижениями.

Проходя по просторной Рыночной площади Кракова мимо величественного Мариакского костела XIV века, мимо небольшого, но изысканного романского костела Св. Войцеха, мимо огромной готической башни, оставшейся от ратуши, после того как на ее месте были построены впечатляющие ренессансные Суконные ряды – изящные, кокетливые и напоминающие разноцветное и многослойное итальянское мороженое, можно увидеть яркий новенький указатель, ведущий в «еврейский город». Эта надпись свидетельствует о том, что краковцы и городские власти признают, что соседний Казимеж – это более чем просто район, в котором жили евреи.

Гениальный фотограф Роман Вишняк в конце 1930-х годов взялся за опасное и отчаянное дело, решив запечатлеть картины восточноевропейской идишской жизни накануне ее окончательного разрушения¹. В Казимеже можно остановиться под тем же указателем на углу улицы Исаака, где он сделал снимок в 1938 году: перед фотокамерой бушует метель, по улице идет женщина в длинной юбке, яркой разноцветной шали и в головном платке; позади нее спешит куда-то седобородый старик в смятой шляпе, их головы склоняются под порывом ветра. Или можно встать на углу улицы Шерока (Широкой улицы) на том самом месте, где в том же 1938 году великий фотограф навеки запечатлел трех оживленно беседующих веселых хасидов, идущих в синагогу или из нее, – в длинных сюртуках, в черных сапогах и в особых меховых шапках, именуемых *штреймель*, которые традиционно шили из семи соболиных хвостов.

Несмотря на годы нацистской оккупации с ее антисемитской психопатией и на сменившее его социалистическое бремя антирелигиозных и политических репрессий, улицы и зда-

---

¹ Vishniac R. A Vanished World. New York: Farrar, Strauss & Giroux, 1983.

ния Казимежа выглядят почти в точности так же, как их запечатлел Вишняк. Даже множество синагог после долгих лет осквернения и обветшания все еще стоит.

Но как ни старайся вдохнуть чувства и дух в кирпичи и строительный раствор, без евреев, населявших эти дома и ходивших по этим улицам, нельзя представить себе идишский мир, некогда пышно цветший в этих местах. Нет раввинов и студентов-талмудистов, выходящих из своих училищ-*ешив*, нет уличных торговцев и разносчиков, спешащих на рынок, нет владельцев лавок и магазинов, зазывающих покупателей, нет богатых купцов в меховых шубах и их волочащих ноги служащих в очках с проволочными оправками, нет хасидов, ортодоксальных набожных евреев в традиционных костюмах, нет учеников школ-*хедеров* в потрепанных коротких штанах и драных школьных кепках, нет госпожи Калицкой, переступающей порог своего дома в туфлях на высоких каблуках, чтобы показать соседям купленную мужем новую лисью накидку, нет Йоселя и Менделя, бородатых пожилых мудрецов в блестящих черных кафтанах и меховых шапках – таких старых, что они знают все на свете лучше всех, – перегородивших тротуар, яростно и одержимо обсуждающих какое-то место из еврейского религиозного закона... Без всех них квартал Казимеж потерял ту магию, которой когда-то обладал.

Но даже лишенный своих прежних обитателей, этот район служит напоминанием о том, что исчезнувший восточноевропейский народ, говоривший на идише, создал нечто великое – еврейско-польскую и еврейско-литовскую субкультуру. Казимеж не был просто районом, который населяли евреи, он был истинно еврейским городом, частью идишской цивилизации.

Строго говоря, цивилизация, созданная людьми, которые говорили на идише, не была частью христианского мира. Их жизнь проходила в стороне от жизни соседей-католиков, у них был свой язык, свой стиль в поэзии и прозе, свои собственные повседневные и ритуальные костюмы, отличные от окружающих орнаментальные мотивы, особый вкус еврейской веры, специфическая система ценностей и семейные традиции, характерная социальная структура. От этой цивилизации осталось много памятников: печатные книги, свитки Библии на древнееврейском языке, культовые предметы, домашняя утварь и столовая посуда, синагоги и кладбища. Она породила уникальные политические структуры, например назначаемый самоуправляемыми общинами центральный законодательный совет, который имел обязанность регистрировать рождения, браки и смерти, определять налогообложение, имел право рекомендовать и осуждать, арестовывать и наказывать, поддерживать близкие отношения с властями, но в совершенно особой форме.

Эта цивилизация выросла в западнославянских землях, восточная часть которых потом стала чертой оседлости Российской империи – территорией, на которой разрешалось селиться евреям после разделов в XVIII веке Речи Посполитой – страны, земли которой, населенные евреями, отошли трем империям: светской Пруссии, католической Австрии и православной России. В религиозном отношении это была ничейная территория на стыке римско-католического Запада и православного Востока, простиравшаяся от прибалтийской Риги на севере до причерноморской Одессы на юге. В целом эпоха этой цивилизации продолжалась с XI до середины XIX века, когда были уничтожены последние остатки ее автономии. Впрочем, ее остатки существовали на протяжении еще столетия, пока пакт Молотова–Риббентропа не отправил одну половину польских евреев в руки гитлеровских массовых убийц, а другую – в руки не менее одержимых и, возможно, более невежественных и безнравственных сталинских комиссаров.

Идишская цивилизация исчезла с земли, где она родилась, ее истинная история была почти забыта. Но она оставила неизгладимый след, и не только в Восточной Европе. Незадолго до ее конца массовая эмиграция евреев в США в конце XIX – начале XX века перенесла еврейские религиозные представления, ценности и традиции на другую сторону Атлантики, где представители идишской цивилизации через кинематограф, музыку, литературу и изобраз-

зительное искусство, не говоря уже о торговле и промышленности, внесли свой вклад в то, что мы называем американским образом жизни, и, таким образом, в нашу эпоху глобализации, в образ жизни всего мира.

Бист а ид?

В начале 1950-х годов мир был окрашен в цвета «техниколора»², а летом никогда не было дождей. Нэт Кинг Коул возглавлял хит-парад со своей песней «They Try to Tell Us We're Too Young», команда «Тоттенхэм хотспур» была главной в футбольной лиге, а «Ньюкасл юнайтед» выигрывали у «Блэкпула» на Кубке Англии по футболу. Масло, мясо и сладости в Британии все еще продавали по карточкам. Карманных денег не хватало, особенно школьникам вроде меня, и мы экономили на автобусных билетах, шли пешком километра три³ и покупали себе шипучку.

В нашей школе на северо-западе Лондона учились ребята, жившие на большой территории. Каждое утро подростки в школьной форме входили в викторианское здание из красного кирпича. Мы собирались со всех концов района; среди нас было много мальчиков из рабочих семей, живших в стоявших рядами типовых домах, были дети из среднего класса, которые жили в многоэтажных домах с претенциозными названиями наподобие «Особняк Гросвенор», и небольшое количество детей богачей из просторных особняков с въездными дорожками, двойными гаражами и садами в несколько акров. Одного юного сикха в тюрбане шофер ежедневно доставлял к воротам школы на «бентли». Однако он был исключением, а главным религиозным меньшинством были евреи, которым послевоенные британские средние школы предлагали хорошее образование.

Вспоминая эти дни, скажу, что тогда между горожанами и школьниками не было заметных конфликтов. Разумеется, в темных уголках района собирались подростковые банды, но мы знали, как их безопасно обойти. Однако для некоторых из нас существовала другая опасность, избежать которой было намного труднее. Часть моего пути в школу проходила через один из богатых кварталов, вдоль улиц с большими домами с железными воротами, вдоль цветущих садов, теннисных кортов и площадок для игр. Как раз на границе с этой казавшейся безмятежной пасторальной местностью еврейских мальчиков наподобие меня подстерегала угроза, чреватая жестокими побоями.

Когда мы были настороже, то могли заметить опасность: по аллее, ведущей к местной синагоге, прохаживалась группа почтенных с виду мужчин средних лет в темных костюмах. Иногда можно было успеть быстро проскочить мимо них. Но мальчишкам свойственно мечтать, а длинная дорога до школы давала воображению прекрасную возможность разыграться. Частенько ты случайно попадал туда, где до тебя мог добраться один из этих типов, который немедленно перебежал через дорогу и хватал свою жертву. Обычно школьник узнавал об уготованной ему участи, ощутив руку, держащую его за плечо, и слыша пугающий зловещий шепот: «Ш-ш-ш! Бист а ид?», – и уже было понятно, что он попался.

Эта фраза на идише означает: «Ты еврей?» Мальчика хватал один из *миньян-шлепперов* – синагогальных служащих, в обязанность которых входило притаскивать в синагогу людей для создания кворума из десяти ритуально взрослых мужчин (*миньян*), чтобы можно было начать утреннюю службу.

Спешу объяснить, что наша боязнь быть пойманными таким образом ни в коей мере не была вызвана какими бы то ни было антирелигиозными чувствами. Напротив, многие из пойманных недавно отпраздновали религиозное совершеннолетие, *бар-мицву*, и все еще с энтузиазмом старательно читали дома молитвы. Практическая проблема состояла в том, что ждать, пока соберется *миньян* и пройдет служба, было чревато опозданием в школу, что в ту пору часто кончалось настоящими побоями.

---

² «Техниколор (technicolor)» – один из способов получения цветного изображения на фото– и киноплёнке. – *Прим. ред.*

³ Здесь и далее для удобства читателя английские мили (1,61 км) переведены в километры. – *Прим. ред.*

Без сомнения, *шлепперы* говорили на идише, чтобы неевреи не могли их понять. Но для нас, мальчиков, это имело другое значение. Если бы нас спрашивали по-английски, мы могли бы рассказать о наказании, которое ждет пропустивших утренний урок, о домашнем задании по французскому, которое надо было закончить перед следующим уроком, об утренней тренировке по регби, пропустить которую означало получить болезненный пинок в зад садиетским сапогом тренера. Но на идише... Невозможно было бы даже начать разговор о таких вещах, он был бы совершенно бессмысленным. Идишский мир не придавал значения таким школьным делам, как занятие по французскому или регби; у него были другие приоритеты и совершенно другие ценности. Язык идиш защищал этот мир, как высокая и непреодолимая стена. Через языковой барьер школьник не мог пронести свой обыденный мир и свои заботы в идишский мир.

Идиш исключал не только неевреев, но и других евреев. Хотя все евреи разделяют одну и ту же религиозную основу, почитают Тору (Пятикнижие Моисея) и признают Талмуд, их культуры и языки различны. Слова *шлепперов* были бы непонятны для давно признанной в Англии общины сефардов – выходцев из мавританской Испании, появившихся здесь во времена Кромвеля. Они бы ничего не значили и для евреев *мизрахи* (восточных) из арабских стран, а также для тех, которые произошли из Ирана, Центральной Азии или Индии. Ассимилированные в языковом отношении евреи – выходцы из Италии и Франции, несмотря на свою набожность, тоже остались бы в неведении. Даже баварские и австрийские евреи поняли бы смысл вопроса лишь потому, что он звучит одинаково на идише и на австрийском диалекте, но, даже будучи евреями, они не были частью идишского мира. Слова *миньян-шлепперов* были обращены исключительно к «нашим», *ундзере лейт*, как сказали бы они сами, к еврейским семьям, которые эмигрировали из Польши, Литвы, Венгрии, Румынии, России и Украины – идишских земель, в целом известных под названием *дер гейм* («родина»), и поселились в Британии за последние семьдесят лет.

Это было не первое мое знакомство с неудобной идеей о том, что разные люди, пусть даже они живут в одном и том же месте в одно и то же время, могут воспринимать действительность совершенно по-разному. Как сын эмигрантов, я всегда понимал, что еще долгое время после нашего приезда в Англию мои родители жили совсем не в той стране, что я. Входная дверь нашего дома была границей между мирами, такой же отчетливой, как колючая проволока, разделявшая тогдашнюю Европу. Внутри нашей квартиры был довоенный Баден – маленький курортный городок возле Вены, снаружи был послевоенный Лондон. Ко времени, когда мне исполнилось десять, из разговоров родителей я усвоил весь воображаемый ландшафт, состоявший из знакомых по названиям улиц с известными приметами. Хотя я покинул Австрию, когда мне еще не было двух лет, я ощущал себя, как будто часто прогуливался по баденской улице Брайтнер с чумной колонной на главной площади, ходил по Кирк-парку и ел мороженое возле фонтана «Ундина» – и все это выходя из нашего многоквартирного дома на северо-западе Лондона. То, что я до сих пор, спустя шестьдесят лет, помню эти названия, свидетельствует о том, насколько отчетливо воспоминания моих родителей стали моими. (Без сомнения, так могли бы сказать о себе дети из любой эмигрантской семьи. Рожденные в Британии официанты из находившегося неподалеку ресторана «Балти», конечно, так же хорошо знали каждый дом и каждую улочку, мечеть и медресе в бангладешской деревне, откуда происходили их предки.)

Идишский мир тоже имел свою особую топографию, в которой были отмечены такие города, как Хелм, Лемберг (ныне Львов), Пинск и Бельцы, прославленные в еврейских легендах и песнях и населенные таинственными, но почтенными личностями наподобие Баал Шем Това, Виленского Гаона и Сатмарского ребе и знаменитыми семьями вроде Ландау, Бродов и Раппапортов. Я знал этот мир так же, как его знали мои даже нееврейские одноклассники нашего круга. Ведь у нас были друзья, деды и даже родители которых пусть и родились в Британии и принадлежали ко второму поколению иммигрантов 1920-х годов, но придерживались

обычаев и ценностей своей восточноевропейской исторической родины, читали молитвы на иврите с сильным идишским акцентом и говорили дома на идише.

Разговоры велись, однако, не только на идише. К этому времени новое поколение говорило по-английски и легко переходило с английского на идиш и обратно в зависимости от темы. Выбор языка мог многое сказать о чувствах говорящего: бизнес и политика всегда обсуждались на идише – в конце концов, для этой сферы использовались одни и те же слова: *гониф* («вор»), *швиндлер* («лгун»), *фарбрехер* («жулик»); на идише говорили о домашних делах, еде, одежде, личных чувствах и внешности других людей: «Шейнере лигт мен ин дрерд» («Они хоронят тех, кто выглядит лучше них»). Английский лучше подходил для обсуждения проблем, связанных с техникой, например, когда *фаршолтнер* (проклятая) машина опять не заводилась с утра, а также предметов, считавшихся высокими, таких, как посещение врача или учителя; я не помню также, чтобы вопросы о школьных делах задавались на идише. Достаточно неожиданно, что тот же подход применялся и в религиозных делах. Правда, раввин общины регулярно вел беседы на идише, но в большинстве домов во время разговора по-английски произносились ивритские религиозные термины: *хазн* (кантор), *сидур* (молитвенник), *кидуш* (праздничное благословение). Подробности, связанные с сексом, разумеется, не обсуждались ни на каком языке, но, когда рассказывали анекдоты, считалось, что язык неевреев для этого плохо подходит.

Различия между евреями и неевреями, в большинстве случаев игнорируемые английским языком, всегда акцентировались в разговорах на идише. Еврейской религии свойственны разнообразные бинарные классификации: дни календаря делятся на праздничные и будние, пища – на мясную и молочную, мясо – на кошерное и *трейф* (некошерное), ткани – на шерстяные и льняные, евреи – на священнические семьи (*когены* и *левиты*) и остальные (*израиль*). Люди тоже были либо *идн* (евреи), либо *гойм* (неевреи). Последнее слово заимствовано из библейского иврита и обозначает «народ»; *гой* (множественное число *гойм*) – «нееврей», прилагательное *гоши* – «нееврейский», абстрактное существительное «гойство» (по-английски *goishness*) применялось к тем, кто напился и валяется в уличной канаве. Но, подобно словам *гора* («белый человек») на хинди и урду или цыганскому *гаджё* (нецыган), слово *гой* обладает лишь мягким уничижительным налетом. Чтобы оскорбить всерьез, использовали сленг ист-эндских кокни. По образцу английского обращения *yob* вместо *boy* («парень») слово *гой* превращалось в *йог* (произносили и даже писали *йок*) – подходящее словечко для хамов, выкрикивавших непристойности и швырявшихся камнями, когда мы возвращались по субботам из синагоги. Но даже слово *йок* могло приобретать некоторый иронический оттенок. Бабушка моего близкого друга считала, что воскресный обед у англичан состоит из ростбифа и *йокширского* (вместо «йоркширского») пудинга.

Излишне говорить, что это был религиозный мир, но религиозность скорее приобретала упрощенную, бессознательную форму, свойственную мировоззрению традиционного общества, чем выражалась в суровой набожности истово верующих. Религиозные правила выполнялись, потому что так было принято, а не потому, что так предписано Богом. Люди ходили в синагогу по субботам и праздникам, потому что туда полагалось ходить. И совсем не так, как известные мне преданные прихожане церкви с поджатыми губами; зайдя в синагогу, чтобы выполнить свой долг, многие члены общины продолжали сплетничать, рассказывать анекдоты и обсуждать свои дела во время службы. Часто в субботнее утро это бормотание в синагоге становилось настолько громким, что раввин и служка захлопывали крышки подставок для чтения и призывали к тишине, чтобы молитвы кантора можно было слышать хотя бы на небесах. Аналогичным было и отношение к кашруту. Некошерной еды и блюд, в которых смешивались молочное и мясное, строго избегали не столько по требованиям еврейского религиозного закона, сколько потому, что сама мысль о том, чтобы отведать свинины, моллюсков или тушеной в сметане телятины была тошнотворной и отвратительной, как для англичанина – мысль о том, чтобы съесть муху или овечий глаз.

Все это являло разительный контраст с отношением к религии моих собственных родителей, которое было более осознанным и обусловленным Писанием и Законом: моя мать была родом из моравского Никольсбурга (ныне Микулов), из клана с сильными раввинистическими связями. Это было не единственное отличие, поскольку каждая из сторон смотрела на другую с подозрением и презрением. Люди, подобные нашей семье, евреи из Вены, где они составляли около 10% довоенного населения, теперь оказались в роли двойного меньшинства, которых превосходили по численности и неевреи, и евреи, говорившие на идише. Они подозревали, что идишские евреи выиграли от войны с нацистами; обвиняли их в том, что те сделали мало или ничего для помощи своим единоверцам в годину бедствий; считали их непросвещенными средневековыми людьми, их язык – варварским жаргоном, их веру – неотличимой от вульгарных предрассудков, а их самих – виновными в том, что они обесславили благородные чаяния иудаизма. Напротив, говорящие на идише видели в недавних эмигрантах из Германии и Австрии вроде нас ассимилировавшихся отступников, находившихся в одном шаге от обращения в христианство, и считали Холокост карой за принятие современного западного образа жизни, называя нас замечательно древним словом *атикорсим* (буквально – «эпикурейцами»).

Мальчишкой я регулярно участвовал в переговорах между этими тремя резко отличавшимися друг от друга группами, которые казались мне чем-то вроде параллельных миров. Когда после школы меня приглашали на чай к приятелю, я должен был утром покинуть 1930-е годы на континенте, провести школьные часы в Англии 1950-х годов и после уроков войти в идишский мир времен... каких? Дату того, что казалось одновременно и нынешним и древним, и современным и вневременным, определить было невозможно.

Дело было совсем не в том, что говорящие на идише проводили одну часть жизни в современной Британии, будучи активно и успешно включенными в бизнес или в профессию, а другую – в собственном непостижимом вечном мире. В отличие от германских, австрийских, французских и итальянских евреев и даже сефардов казалось, что у них нет истории. Или, точнее, у них не было интереса или даже воспоминаний о людях и землях, не связанных с их недавними семейными традициями. Более того, многие из них не знали названий восточно-европейских городов, откуда эмигрировали их семьи, а некоторые даже забыли, какие у них были фамилии до того, как эти фамилии были переделаны на английский манер, и казалось, что это их совершенно не заботило. Дважды перемещенные – сначала из европейского *гейма* в лондонский Ист-Энд, где они поселились поблизости от пристани, куда пришел их корабль, а в следующем поколении переехавшие на окраины, – большинство известных мне идишских семей, казалось, совершенно утратили свое прошлое.

Они представляли себя как общество с корнями, затерянными в России, Польше и Литве. Подразумевалось, что у них нет истории, потому что с евреями ничего не произошло с тех пор, как они поселились на этих землях неизвестно сколько столетий назад, с тех пор, как они жили в местечках и деревнях, будучи раввинами, ремесленниками, трактирщиками и мелкими торговцами, привлекая к себе как можно меньше внимания, пока подавляющая враждебность окружающего религиозного большинства окончательно не вырвала предыдущее поколение из мест проживания и не толкнула его на поиски нового прибежища на Западе. Их воспоминания о покинутых местах были так ужасны, а борьба за то, чтобы оставить все это позади, так болезненна, что они не проявляли никакого интереса к воспоминаниям о прежней стране – одну лишь сильную неприязнь.

Но в то же самое время люди, говорившие на идише, прекрасно чувствовали древнюю историю. Они были на коротке с библейскими царями и царицами, с дохристианскими пророками, бродившими по иудейским холмам, с мудрецами, в первые шесть веков нашей эры составившими еврейские законы в Вавилонии. Период между теми эпохами и нынешней совершенно выпал – это был огромный пролив амнезии, отделяющий древний Восток от современного Запада.

Тогда я думал, что забвение целого тысячелетия, вероятно, является реакцией на травму Холокоста. До эры нацизма носители идиша в Британии еще могли считать себя экспатриантами или беженцами со своей восточноевропейской родины, многие из них поддерживали связи с оставшимися там родственниками – наш ребе, например, закончил духовное училище в довоенной Польше. Точно так же англичане южноазиатского происхождения еще считают себя частью индийской, пакистанской или бангладешской диаспоры, куда часто ездят во время отпуска, и даже вступают в браки с выходцами из их родных мест. Но уничтожение континентального еврейства прервало связь говорящих на идише со своим прошлым. Кошмар конца идишского *гейма* вызвал то, что психологи называют состоянием отрицания, *гейм* как бы никогда не существовал, как будто стирание памяти о прошлом могло облегчить боль от его потери.

Теперь я прихожу к выводу, что в 1950-е годы глубокий стыд от ужасной судьбы европейского еврейства сыграл важную роль в устойчивой амнезии британских евреев. После 1948 года они обратили взор на более отдаленные по времени горизонты и признали в новом Государстве Израиль землю, на которой две тысячи лет ежедневных молитв обеспечили им их истинную прародину.

Прошло пятьдесят лет с тех пор, когда подобные мне мальчишки подвергались нападениям *миньян-илепперов*, пятьдесят лет, за которые о лондонском поколении тех, кто еще помнил некое подобие истинной идишской жизни, остались лишь воспоминания. За это время произошла революция, мгновенно перевернувшая конформистское и строгое британское общество; первый ее залп прогремел в 1956 году, когда после показа фильма «Рок круглые сутки» сиденья во многих кинотеатрах неожиданно оказались изрезанными ножами.

Революция заключалась не только в сексе, наркотиках и рок-н-ролле. За следующее десятилетие Америка кроме Элвиса Пресли, Боба Дилана и Джимми Хендрикса видела марши за гражданские права и протесты против войны во Вьетнаме. Британия кроме «Битлз» и «Роллинг стоунз» пережила провал своей суэцкой авантюры, конец цензуры над литературой и драматургией и приход к власти социалистического правительства, преданного идее технической революции. Весь западный мир признал феминизм и права женщин.

Евреи тоже пережили своего рода музыкальную и социальную революции: они увидели бродвейский мюзикл «Скрипач на крыше» Харника и Бока, основанный на рассказах об идишской жизни писателя конца XIX – начала XX века Шолом-Алейхема, ученика Диккенса, но одновременно они были захвачены драмой израильской Шестидневной войны. И то и другое сыграло важную роль: война заставила евреев произвести переоценку своей идентичности и вызвала страх за будущее своего государства, но именно мюзикл помог им понять, как надо представлять себе свое еврейское прошлое.

Корни-шморни!

В 1950-е годы большинство лондонских евреев одевались, как все вокруг. Не из страха возбудить подозрения, а просто потому, что они не видели смысла чем-либо отличаться от остальных. Некоторые ортодоксальные евреи даже ходили по улицам с непокрытой головой. Чтобы преуспеть в своем деле, *мишьян-шлепперам* оставалось полагаться только на свою утонченную способность распознавать еврейские лица, и нередко они совершали комические ошибки. Нынешние же ортодоксы гордятся тем, что выделяются своим внешним видом и пользуются правом выглядеть не так, как другие. Более того, многие хасиды, особенно по субботам и праздникам, заходят еще дальше и надевают некое подобие исторического костюма: черный кафтан, опоясанный кушаком, бриджи до колен поверх белых чулок, коричневую меховую шапку в форме колеса – по моде, видимо заимствованной у польских дворян XVII века.

Новое желание выделиться из толпы было следствием не столько роста численности ортодоксов среди еврейского населения и одновременным ростом религиозности среди христиан и мусульман, сколько желания манифестировать себя как евреев. В конце концов, одежда имеет мало отношения к строгой вере, это скорее символ, обращенный больше к другим людям, чем к Богу. Однако желание евреев выделиться в своей одежде не только отделяет их от нееврейского окружения. Детали одежды важны как сигнал, который подается остальным евреям. Например, целый набор головных уборов, называемых *кипа*, *капл*, *кепл*, *ермолка*, сделанных из различного материала, используется как сложный код, позволяющий отделить хасидов от обычных ортодоксальных евреев, ортодоксов – от религиозных сионистов, а последних, в свою очередь, от сионистов светских. Человек, носящий вязаную ермолку *кипа сруга* вместо матерчатой, декларирует свои политико-религиозные взгляды более явно, чем если бы он ходил со знаменем в руках.

Во всяком случае, от возрождения еврейской духовности следовало бы ожидать возвращения к одежде патриархов и пророков или вавилонских раввинов, но не к костюмам, которые когда-то носили в мире изгнания. Климат Британии едва ли подходит для средиземноморской одежды, но ультраортодоксы носят одну и ту же униформу и в Иерусалиме, и в Лондоне.

Возрождение костюма польского двора у хасидов является лишь одним из аспектов неожиданного и удивительного нового открытия корней восточноевропейского еврейства в каждом секторе общины. Далекое от желания стереть все воспоминания о прошлом *гейме*, нынешнее поколение деловито старается оживить память о нем. Даже в Израиле – государстве, основанном, чтобы позволить евреям возвратиться в Святую землю, многие молодые люди страстно ищут связей с диаспорой. В общем, «корни-шморни», как назвал писатель Говард Джекобсон эссе о том, как сам он закидывал сети в воды наследия предков⁴.

Но меняются времена, а с ними моды и ценности. То, что наши родители считали постыдным, для нас может быть источником гордости, а то, что мы не одобряем, нередко расхваливают наши дети. Сегодня кажется, что все хотят стать частью этнического меньшинства, когда-то подвергавшегося дискриминации. Чернокожие и азиаты кажутся не слишком привлекательными, поэтому в Британии образцом служат ирландцы, шотландцы и валлийцы. Евреи, в свою очередь, как и все, подвержены обаянию и самообману сентиментальной моды.

Существует устойчивое и довольно романтическое представление о том, как должно выглядеть меньшинство. Прежде всего, разумеется, у него должен быть язык меньшинства, свой национальный костюм, свои народные традиции, мифы, легенды и ритуалы, а также по

---

⁴ Jacobson H. Roots Schmoots: Journeys Among Jews. London: Penguin Books, 1993.

возможности свои собственные виды мистицизма, оно должно иметь свою народную музыку, песни и танцы.

В книге Генри Сапозника, активного деятеля возрождения клезмерской музыки, благодаря которому музыка еврейской Восточной Европы зазвучала в американских данс-холлах и на свадьбах, есть следующий эпизод. Когда он учился одному из стилей игры на банджо у традиционного скрипача из Каролины, наставник спросил его, почему так много молодых евреев хотят учиться этой старинной музыке: «Разве у вашего народа нет своей собственной музыки?»⁵ Сапозник мог бы сказать: «Конечно, мы поем в синагогах каждую неделю». Он мог бы ответить и так: «Конечно, разве вы не слышали о Мендельсоне, Мейербере, Малере, Оффенбахе или Шёнберге, не говоря о более популярных композиторах — Берлине, Гершвине, Керне, Лёсслере и Бернштейне или о других пяти сотнях или около того еврейских композиторов и исполнителей с мировым именем, перечисленных в “Encyclopaedia Judaica”?» Но он этого не сказал. Ведь то, что эти композиторы сложились во многом благодаря своему еврейскому происхождению, не имеет значения: они недостаточно этнические.

Сапозник отказался от имиджа хиллибилли⁶ и творческого псевдонима Хэнк, обратившись к новым приоритетам, более отвечавшим его представлениям о себе. Вскоре он обрел единомышленников, и через короткое время клезмерская⁷ музыка снова появилась на радио и стала выпускаться на компакт-дисках. За пятьдесят лет до этого такие кларнетисты, как Мезз Меззроу (Милтон Мезиров), Арти Шоу (Артур Якоб Аршавски) и Бенни Гудман бросили клезмер ради джаза и свинга. Теперь благодаря неожиданному повороту истории молодые еврейские музыканты вернулись к старой, прежде презираемой музыке. Многие евреи, не переступавшие порога синагоги со дня своей бар-мицвы, и даже некоторые из тех, кто женился вне своей веры, теперь хотели, чтобы на их свадьбах играли клезмерские оркестры. Эта музыка привлекла и неевреев: клезмерские ансамбли появились в самых неожиданных местах, даже в Японии.

Язык идиш тоже оказался неожиданно жизнеспособным. Хотя число говорящих на нем неуклонно уменьшается, а почти единственную группу все еще употребляющих его в качестве основного языка составляют ультраортодоксы, повсеместно молодые евреи, даже не имеющие отношения к странам, где на идише говорили до войны с Гитлером, хотят освоить, пусть даже не в совершенстве, а поверхностно, диалект восточноевропейских евреев. Курсы идиша часто предлагаются в стенах академических учебных заведений по всему западному миру и даже под «дремлющими шпилями» Оксфордского университета. Неподготовленные к серьезному обучению или неспособные усвоить орфографию и синтаксис чужого языка стараются по крайней мере приправлять свою речь идишскими выражениями. Пусть это не те поразительные словечки, которые во времена моего детства можно было услышать из уст стариков, они все же воспринимаются как довольно лихие, даже от *гоев*, даже в передачах на Би-би-си.

Было бы неверно видеть в этих явлениях возобновление интереса или приверженности к еврейской религии. Поверхностное схватывание этнических элементов означает в точности противоположное: еврейская идентичность без чрезмерно обременительных для многих усилий, применение стандартов современного потребительского общества к древнему религиозному закону. Это не требует изменения повседневного стиля жизни, несовместимого с современным веком либеральных и эгалитарных понятий. (Конечно, вряд ли можно утверждать, что истово верующие хасиды в черных костюмах и фетровых шляпах, со свисающими поверх брюк белыми кисточками-*цицис*, или же хасиды, облаченные в старинные польско-еврейские одежды, не являются по-настоящему набожными.) Принятие языка предков, их нравов и обы-

---

⁵ Sapoznik H. The Compleat Klezmer. New York: Tara Publications, 1987.

⁶ Прозвище людей, живущих в сельских горных районах США, и музыкального направления в стиле кантри. — Прим. пер.

⁷ Клезмер — традиционная музыка евреев Восточной Европы. — Прим. ред.

чаев евреями, не соблюдающими заповедей, служит социальным мостом. Оно имеет объединяющую силу и позволяет заключать браки между несопоставимыми секторами еврейской общины: ультраортодоксами, хасидами, консервативными, реформистскими и либеральными евреями, агностиками и атеистами еврейского происхождения и даже еврейскими неоязычниками, верящими в астрологию и трансцендентальную медитацию, или каббалистами-дилетантами, последователями средневековой еврейской мистической традиции. Теперь неожиданно оказывается, что быть евреем и быть идишским – это одно и то же. Мои родители удивились бы этому, хотя и не ужаснулись.

Nostalgie de la boue

На фоне оживления интереса к идишу возникла романтика *штетла* – местечка, в основном еврейского городка с рынком в Польше или России. На всех континентах молодые евреи в поисках этнической памяти старательно исследуют свои семейные корни и ищут сведения о местах, которые с облегчением покидали их прадеды и прапрадеды. Пожилых родственников преследуют расспросами о том, откуда эмигрировали их семьи, – и очень часто получают в ответ что-то вроде: «Это где-то под Минском (или под Вильно, или под Киевом, или под Краковом), не знаю, как называется». Профессор еврейской истории в Стэнфордском университете Стивен Зипперштейн рассказал типичную историю, которая приводится в газете «Стэнфорд ньюс» (22 мая 1996 года):

Когда дети или внуки спрашивали их об их родном *штетле*, старшие родственники отвечали, что Лохишн – деревня, где они родились, находилась не в России, а в Польше. Они говорили также, что деревня была уничтожена после отъезда их деда в 1919 или в 1920 году. «Вообразите мое удивление, – пишет в своей статье профессор Зипперштейн, – когда я взглянул на карту Белоруссии и увидел Лохишн недалеко от главного шоссе – маленький, трудно различимый на карте пункт, но вовсе не уничтоженный»⁸.

Тысячи веб-сайтов посвящены исследованию и сохранению памяти об исчезнувших общинах. В поисках своего еврейского наследия туристы толпами ходят по площадям местечек Белоруссии, Литвы, Польши, России и Украины, расспрашивая всех, кому больше шестидесяти лет, помнят ли они его предков. Подобно тому как лишь немногие успешные профессионалы из среднего класса могут устоять перед искушением занять хотя бы призрачные корни из рабочего класса, лишь немногие евреи готовы признаться, что их предки относились к числу подавляющего большинства, жившего в больших городах в эпоху империй, и не имели никакого отношения к местечку-*штетлу*. Более того, они были бы оскорблены, если бы их заподозрили в связи с бедными деревнями, деревянными синагогами, покосившимися домишками и грязными дорогами. *Nostalgie de la boue* – называют это французы, тоска по грязи.

Передо мной лежит прелестное изделие Дэвида Группера и Дэвида Г. Клейна «Бумажный штетл: подробная модель восточноевропейского еврейского местечка» со страницами из картона для вырезания и сборки. Здесь можно найти все, что приходит на ум при слове *штетл*: синагога под соломенной крышей с закругленными сверху окнами, внутри нее виден Ковчег, в котором хранится с трудолюбием, каллиграфически написанный свиток Торы, над Ковчегом висит написанное древнееврейскими буквами наставление из Талмуда: «Знайте, перед Кем вы стоите»; у задней стены вход в *хедер* – еврейскую школу для детей. Все это нарисовано в красивом ксилографическом стиле. Рядом частный дом с соломенной крышей и деревянными рамами: фанерные стены с клапанами для склеивания, на стенах – окна со ставнями и дверь в сарай, к стене прислонены топор и двуручная пила. Поблизости – крохотная рыночная площадь с лавками, торгующими кошерной едой, колодец, несколько кур с цыплятами, коза и корова на привязи.

Персонажи, населяющие *штетл*, вполне ожидаемы. В синагоге у кафедры стоит бородатый строго нахмуренный ребе, его молитвенная шаль (*талес*) накинута на голову, палец обвинительно указывает на какое-то место в толстом томе. На возвышении, которое называется *бима*, стоит чтец, декламирующий по свитку текст Торы, следя за ним при помощи *яда* – серебряной указки в форме указующей руки. Ученый человек в толстых очках сидит на стуле

---

⁸ См. также: Zipperstein S.J. *Imagining Russian Jewry: Memory, History, Identity*. Seattle: Univ. of Washington Press, 1999.

с Талмудом на коленях. Три человека в талесах сидят на деревянной скамейке, изображая общину. У сидящего в центре голова склонена, возможно, он уснул. Снаружи на рыночной площади ожидает извозчик с лошадыю, единственный безбородый человек на все местечко. Может быть, это означает, что он нееврей. Другой человек толкает тачку, рядом – водонос с двумя большими ведрами, свисающими с огромного коромысла на плечах.

Вот оркестр клезмеров – скрипка, кларнет и аккордеон (изображены в неправильном порядке) – играет для молодых, стоящих под балдахином: жених улыбается про себя с самодовольным видом, невеста глядит на нас с сомнением, как бы не уверенная в своем решении. Есть даже Гимпель-дурачок (кажется, в каждом *штетле* был собственный сумасшедший): на лице застыла удивленная мина, на голове нечто, напоминающее феску, одна нога в сапоге поперек бедра другой ноги, своей кособокой позой он одновременно напоминает пляшущего казака и йога. Аннотация на задней стороне обложки описывает, как мы должны представлять себе атмосферу *штетла*:

В Доме учения мужчины изучают священные тексты, пока дети учатся читать в начальной школе, называемой хедер. Снаружи происходит свадьба под балдахином с танцорами и музыкантами. Мужчины и женщины заняты работой дома и в лавках, люди на площади торгуются, спорят и играют. В синагоге чтец поет по свитку Торы перед Святым Ковчегом. Семья сидит дома, наслаждаясь субботней трапезой⁹.

Не важно, что все эти действия никогда не могли происходить одновременно. Не важно, что молящихся в синагоге на четыре человека меньше необходимого кворума. Не важно, что вид *штетла* гораздо больше напоминает бродвейскую постановку Борисом Аронсоном «Скрипка на крыше», чем настоящее восточноевропейское местечко. Не новость, что возрожденные традиции чаще напоминают заново скроенную одежду, чем подлинно старинную. Точно так же, как шотландский народный костюм, военная музыка волынщиков и традиционная ткань-шотландка были созданием сэра Вальтера Скотта и британской армии времен королевы Виктории, образ восточноевропейского еврейского мира скорее принадлежит миру воображения, а не памяти, он происходит из благодушных фантазий, а не из прозаической реальности.

Евреи жили и процветали в Польше в течение столетий, около тысячи лет, если не дольше. Но почти все наши воспоминания об идишском мире относятся к последнему столетию, а известные нам образы связаны с его последними мгновениями. Идишский литературный ренессанс конца XIX века отразил агонию упадка. Рассказы Менделе, Переца и Шолом-Алейхема описывают обедневший, нищий, угнетаемый народ – это даже не бледное отражение некогда процветавшей и сильной нации, в свое время поставлявшей врачей, дипломатов, финансистов и даже учителей музыки для дворов европейских королей. Фотографии Романа Вишняка были сделаны в то время, когда за исключением Чехословакии все страны Восточной Европы находились под властью авторитарных правых, если не открыто фашистских правительств, когда национал-социализм был уже на марше и стремительно объединялся с извечной местной ненавистью к евреям, когда идишская нация уже разрушалась. Художественные достоинства его фотографий – в трогательной деликатности изображения последних вздохов умирающего мира.

Но идишская история должна быть большим, чем рассказ, пусть даже очень художественный, о ее трагических последних годах. Нельзя судить обо всей истории и культуре народа по тому, как он выглядел в конце, как нельзя говорить о жизни человека по его агонии в последней болезни. Славу Греции и величие Рима не умалят ни безумие братоубийственных войн,

---

⁹ Grupper D., Klein D.G. The Paper Shtetl, a Complete Model of an East European Jewish Town. New York: Schocken Books, 1984.

окончательно погубивших афинскую демократию, ни стагнация и коррупция, сопровождавшие последнее столетие упадка Рима. Почему тогда мы вспоминаем лишь последние десятилетия обращенного вспять, обнищавшего и ожесточившегося идишского мира?

Но где бы я ни расспрашивал о многовековой истории говоривших на идише евреев: в Польше, Литве, Белоруссии, на Украине, местные жители отвечали совсем как та учительница из Ракова, с сожалением пожимая плечами, что, в конце концов, история евреев не является частью истории этих народов. Они могли бы спокойно спросить, как тот музыкант у Генри Сапозника: «Что, у вашего народа нет собственной истории?»

Конечно, история у евреев есть. Она отражена в работах великих еврейских историков XIX и XX веков: Леопольда Йом-Това Липмана Цунца, Морица Штейншнейдера и Генриха Греца, Шимона Дубнова и Сало Барона, Сесилия Рота и Мартина Гилберта. Но неудивительно, что, может быть, за исключением сэра Мартина Гилберта, их книги не являются книгами для домашнего чтения, потому что большая часть их работ воспринимается как неизбежно депрессивная: это длинная сага о постоянных погромах, вводимых властями ограничительных законах, антиеврейских эдиктах Церкви, массовых убийствах, изгнаниях, пытках, сожжениях на кострах. Неужели в еврейской истории нет ничего, кроме этого?

В небольшой книге профессора средневековой истории Бернарда Бахраха «Евреи в варварской Европе», предназначенной для студентов младших курсов Университета Миннесоты, показано, что в течение двух тысяч лет страдания и преследования были доминирующими темами в описании еврейской истории. Автор называет это «теологией изгнания»:

...Те, кто описывал судьбу еврейского народа в Средние века и в начале современной эпохи, делали акцент на страданиях мучеников за веру. Они описывали ужасы и преувеличивали эпизоды погромов, насильственного крещения, экспроприаций и изгнаний. Эти трагические события стали каркасом для еврейского взгляда на историю Изгнания и служат свидетельством теологической интерпретации Изгнания как периода страданий и испытания для еврейского народа¹⁰.

Можно добавить, что те из нас, кто пережил Гитлера, не может не воспринимать историю как неизбежно движущуюся к *Шоа*, Холокосту, означавшему для народа, говорящего на идише, ужасный финал и разрушение. Такой взгляд на прошлое, как замечает Бахрах, привел еврейских ученых к неверным суждениям и оценке свидетельств о прошлом: две тысячи лет традиции затрудняют для ученых евреев и даже для профессиональных историков возможность преодолеть то, что он называет «слезливой интерпретацией еврейской истории».

Не будучи ни ученым евреем, ни профессиональным историком, я верю, что есть другая возможность изложения истории. Не исключительная возможность, потому что никакой рассказ не обладает монополией на истину, а один и тот же материал может дать пищу для множества рассказов; ни один из них не содержит всего в целостности, но все они содержат нечто из почти гнетущего, смущающего изобилия фактов и предположений, свидетельств и догадок. Конструирование рассказа об истории можно сравнить с прокладыванием тропинки через лес: подобно тому как выбрать одну дорогу между деревьями из множества значит отвергнуть все остальные, так и рассказать одно значит оставить остальное нерассказанным.

В моем дальнейшем рассказе я постараюсь избежать подчеркивания страданий и угнетения евреев на протяжении столетий, столь подробно описанных другими. По возможности я буду избегать описывать преследования, обходить массовые убийства, оставлю в стороне Холокост: эти трагические события были исследованы другими, более квалифицированными авторами. (К слову, мой отец никогда не рассказывал о своем пребывании в концлагере Дахау, а

---

¹⁰ Bachrach B.S. Jews in Barbarian Europe. Lawrence (Kansas): Coronado Press, 1977.

мать никогда не рассказывала о заключении; моя собственная встреча с эсэсовцами произошла, когда я был еще в таком возрасте, что не мог осознавать происходящее.) Вместо этого я предпочитаю менее популярные, но более оптимистичные пути – те, что отмечают успехи и случайные моменты блеска идишской цивилизации, ее вклад в экономику Европы, общественную жизнь, религию и интеллектуальный прогресс.

Я предпочел писать об идишской цивилизации, отказавшись от черно-белого взгляда на отношения евреев и неевреев, на угнетение и выживание. Мой рассказ касается более тонкого соревнования внутри самого народа, говорящего на идише. Это игра напряжения и конфликтов между Востоком и Западом, между говорящими по-немецки и на славянских языках, между интеллектом и эмоциями, между ортодоксальностью и синкретизмом, между теми, кто идентифицировал себя как представителей еврейского народа, и теми, кто считал себя представителями еврейской веры среди другого народа, – борьба, в которой одна из сторон попеременно праздновала победу над другой, а победители проигрывали побежденным, пока соперники окончательно не были разделены судом истории; это длительная борьба, потребовавшая новой интерпретации того, что значит быть евреем.

Я описываю, как это состязание разыгрывалось на сцене Центральной и Восточной Европы в суете и толкотне, усиливавшихся при каждом кризисе и при любой возможности. Соперники боролись перед толпой зрителей-католиков, иногда похожих на футбольных фанатов-хулиганов, которые выбегают на поле, чтобы напасть на игроков.

Это рассказ о возникновении нового народа, зачатого в Римской империи, последовательно созревавшего в утробе нескольких государств, рожденного в Центральной Европе и достигшего зрелости в государствах Восточной Европы. Идишская цивилизация была одной из основополагающих наций Европы, ее религия и образ жизни были настолько привлекательны для окружающих, что на протяжении столетий неисчислимое множество людей обращалось в ее веру. Это была цивилизация, которая, как писал историк Сесиль Рот, «оказала неизгладимое влияние на историю западного мира».

Евреи Рима

Место действия – римский Форум, старая рыночная площадь за пределами (собственно *forum* на латыни обозначает «снаружи») изначальной территории города, расположенный под одним из семи зеленых холмов, Палатином. И сегодня с него видны развалины императорских дворцов, торчащие из фундаментов, как разрушившиеся зубы. Вокруг – обломки колонн, разбитых бюстов, откопанные сто лет назад руины храмов, судебных зданий, ассамблей и других римских религиозных, административных и общественных зданий.

Когда я последний раз был в этом знаменитом месте и проходил положенный туристический маршрут, к своему удивлению, я неожиданно услышал еврейскую молитву. Повернувшись, я увидел перед аркой Тита группу длиннородых ортодоксальных евреев в черных костюмах, черных шляпах и молитвенных покрывалах на плечах. Тут же один за другим проходили возглавляемые женщиной-гидом японские туристы, старательно и вежливо разглядывая то, что им показывали.

Я был поражен контрастом между теплотой современной еврейской веры и холодной классической строгостью древнего памятника. Иудеи римских времен были бы изумлены северными европейскими повадками евреев нашего времени. Была своего рода ирония и в том, что мои единоверцы скорбели о событии, давшем начало их собственному народу. Ведь этот памятник запечатлел память о происхождении идишской нации, о дне, когда началась ее настоящая история, это был день конца древнего Иерусалима и его Храма, когда в 70 году нашей эры город был сожжен, а его жители покорены римской армией. Тогда прародители идишского народа – рассеянные по Римской империи евреи – неожиданно оказались сиротами и начали скитаться, не имея земли, в которую они могли бы вернуться, осужденные на то, чтобы последующие два тысячелетия быть меньшинством на чужой земле. Это был момент, когда образовалась истинная диаспора, и, к сожалению, это была та самая точка, на которой коллективная память народа неожиданно замолкает.

Описание того дня подробно изложено на Триумфальной арке Тита, которая мощно и основательно, как и сама власть римских императоров, возвышается над остатками Священной дороги (*Via Sacra*), проходящей через нагромождение остатков империи. Тронутый временем мрамор с пятнами от дыма на каждой стороне арки отражает сцены торжественного шествия, которое по решению римского сената произошло в июне 71 года в честь императора Веспасиана и его сорокалетнего сына Тита, с триумфом возвращавшихся с Ближнего Востока; процессия проходила по этой самой дороге. Барельеф вырезан глубже в центре панелей, чем у краев; фигуры шествующих повернуты к зрителю, чтобы он убедился: цель достигнута, Иерусалима, столицы евреев, более не существует.

Нетрудно представить себе раздражающий уши рев полумиллиона римлян, приветствующих главу процессии, облаченных в белые тоги магистратов и сенаторов, медленно и невинно бредущих вслед за ними быков-альбиносов, предназначенных для жертвоприношения рядом с храмом Юпитера Величайшего в конце Священной дороги. Затем следует целый флот кораблей, поставленных на колеса, – кораблей, которые перевезли победоносную армию через море. Вслед за ними несут военные трофеи: священный семисвечник¹¹ (двое носильщиков склонились под тяжестью груза), две серебряные трубы¹² и покрытый золотом стол для двенадцати хлебов приношения¹³.

---

¹¹ «И сделай светильник из золота чистого; чеканный должен быть сей светильник <...> Шесть ветвей должны выходить из боков его; три ветви светильника из одного бока его и три ветви светильника из другого бока его» (Исх. 25: 31–32).

¹² «Сделай себе две серебряные трубы <...> чтобы они служили тебе для созывания общества...» (Числ. 10: 2).

¹³ «И сделай стол из дерева шитим [акация] <...> и обложи его золотом чистым и сделай вокруг него золотой венец <...>

Иосиф Флавий (настоящее имя Иосиф бен Маттитяху), римско-еврейский историк, перебежчик, вначале командовавший иудейскими войсками в Галилее, затем управлявший защитой крепости Йотапата, а в решающий момент перешедший на сторону римлян, оставил описание этого шествия, свидетельствующее о том, что он своими глазами наблюдал его. Он писал восторженно, как школьница:

Невозможно достойным образом описать разнообразие этих показывавшихся зрелищ и великолепие во всем <...>. Ибо почти все драгоценное и достойное удивления, что приобретали когда-нибудь зажиточные люди и что считалось таким отдельными лицами, – все в тот день было выставлено напоказ, чтобы дать понятие о величии Римского государства¹⁴.

Следом за трофеями, перед победителем-императором и его сыном-военачальником, увенчанными лавровыми венками и одетыми в одежды императорского пурпурного цвета, на посмешище толпе вели пленных. Самых важных из них несли на носилках, устроенных настолько сложно, что, как вспоминает Иосиф Флавий, зрители «боялись за безопасность тех, которые их носили. Многие из них имели по три, даже по четыре этажа».

Некоторые знатные люди, такие, как Иоханан бен Леви из Гискалы, одно время командовавший восставшим Иерусалимом, находились в деревянных клетках на колесах, трагедия их падения подчеркивалась тем, что на них были надеты их лучшие одежды. Иоханан должен был пожизненно содержаться в тюрьме. Шимон бар Гиора, которого римляне считали вождем восставших евреев, ковылял пешком, в оковах, с веревкой на шее, под конвоем конных легионеров, избивавших его плетью до самой площади перед величественным храмом Юпитера Капитолийского, где Шимона первым после пыток повесили в жертву богам, после чего «поднялось всеобщее ликование». Многие из тех, кто остался в живых, через отверстие в полу были брошены умирать в подземную камеру Карцер Туллианум под мрачным зданием римской тюрьмы из кирпича и бетона.

Жестокость наказания была обусловлена не религией, а сопротивлением восставших. Вероятно, среди огромной толпы, которая приветствовала шедшую по Священной дороге триумфальную процессию и аплодировала ей, было много экспатриантов из евреев. Римские евреи не выражали ни одобрения, ни поддержки антиимперскому восстанию Иерусалима. Они жили в столице империи на протяжении полутора столетий, а некоторые поселились здесь еще до того, как в 63 году до нашей эры, после римского вторжения в хасмонейский Израиль, полководец Помпей привез в Италию из Иудеи первую еврейскую общину.

К середине I века в Риме уже было много синагог. Это были роскошные здания – если судить по одной из них, в Остии – римском порту в устье Тибра, остатки которого сохранились до наших дней. Ранняя часть здания синагоги датируется временем Клавдия, правившего за два императора до Веспасиана. Лицом на юго-восток, то есть в сторону Иерусалима, обращены роскошные пропилеи, монументальные ворота с четырьмя изящными колоннами из белого мрамора, ведущие в вестибюль, который переходит в молитвенный зал со скамьями вдоль стен. Внутри зала находится апсидообразный кирпичный *арон*, или святилище, где хранятся священные свитки Торы, по-видимому сменивший деревянную конструкцию, подаренную, как гласит надпись, неким Миндусом Фаустусом («везучим» Миндусом), возможно, в знак своего успеха. Имелся также *триклинрум* – зал для праздничных трапез со встроенными ложами. Позднее к зданию были добавлены кухня с красивым мозаичным полом и большой зал для учения.

и полагай на стол хлеба предложения пред лицом Моим постоянно» (Исх. 25: 23–30).

¹⁴ Иосиф Флавий. Иудейская война, Книга 7, гл. V. М.: Гешарим, 1999. С. 395.

Персий, римский поэт-стойк, живший в I веке нашей эры, так описывал наступление субботы:

...Иродов день наступил, и на окнах стоящие сальных
Копотью жирной чадят светильники, что перевиты
Цепью фиалок; когда на глиняном плавают блюде
Хвостик тунца и вином горшок наполняется белый...¹⁵

Многие кварталы города были неестественно тихими, когда евреи что-то «шептали про себя» и «бледнели – ради субботы» (как и многие римляне, Персий, вероятно, считал, что евреи по субботам постятся).

По будням Персий мог видеть многих представителей общины, ходивших по своим делам, на работу – в качестве актеров, кузнецов, мясников, купцов, музыкантов, маляров, художников, разносчиков, поэтов, певцов, портных и даже толкователей снов – как насмеялся сатирик Ювенал, «торгуют евреи бреднями всякого рода за самую низкую плату»¹⁶. Не были редкостью и еврей-нищие. Сесиль Рот пишет, что, «как и других нищих, их считали страшно назойливыми; а после установления христианства некоторые из них стали торговать иконами на ступенях церквей»¹⁷. Талмуд упоминает даже о евреях-гладиаторах; один из великих мудрецов Реш Лахиш в юности был разбойником, затем профессиональным борцом и выжил благодаря «смеси храбрости и хитрости». Подобно ему писавший по-гречески Цецилий из Калекте, рожденный рабом, прославился как литературный критик и историк.

И конечно, было много торговцев, арендовавших места в огромном полукруглом торговом центре, построенном императором Траяном рядом с римской виа Бибератика (улицей Пьяниц¹⁸). Если бы мы отправились за покупками в первые столетия нашей эры, за прилавками под элегантными кирпичными входами в лавки мы увидели бы много евреев-римлян. Из документов известно, что мужчины обычно торговали птицей, одеждой, маслом, дровами, горшками, железными изделиями, вином и кошерным мясом, а женщины продавали шерсть и драгоценности, при этом по крайней мере одна из них торговала зеленью, а другая рыбой.

Это была отнюдь не маленькая этническая группа, каких много в сегодняшней Европе, но большая и важная часть населения. Иосиф Флавий в своих «Иудейских древностях» упоминает судебный процесс, в котором одной из сторон были 8000 римских евреев. Принимать участие в судебных слушаниях могли только мужчины – главы семейств, а это означает, что вместе с женами и тремя или четырьмя детьми эти 8000 мужчин (а это были только участники процесса) представляли от 40 000 до 50 000 человек. Учитывая, что население Рима оценивается примерно в полмиллиона человек¹⁹, эта община сравнима с довоенными еврейскими общинами XX века в таких городах, как Прага, Вена, Варшава или Будапешт (*Юда-Пест*, Еврейская чума²⁰, называли его антисемиты), где евреи составляли десятую часть населения или даже больше.

У римских евреев, разумеется, были свои взлеты и падения. Четыре года, с 37 до 41 года нашей эры, когда правил полубезумный император Калигула, были плохими – но такими они были для всех. Когда еврейские общины восстали против римских властей (и совершали порой акты ужасной жестокости по отношению к своим нееврейским соседям, например в Киренаике

¹⁵ Сатира VII (пер. Ф.А. Петровского).

¹⁶ Сатира VI (пер. Д.С. Недовича).

¹⁷ Roth C. A Short History of the Jewish People. London: Macmillan, 1936.

¹⁸ Иногда название переводится более прозаично – от лат. *piper*, «перец».

¹⁹ Storey G.R. The Population of Ancient Rome // *Antiquity*. Vol. 71. 1997. P. 966–978.

²⁰ Pest – мор, чума (англ.). – Прим. пер.

и на Кипре), все негодование римлян было направлено против них. Но в обычной обстановке до IV века, когда восторжествовало христианство, а нередко и после этого евреи пользовались репутацией представителей законопослушной религии и обладали особыми привилегиями – освобождением от военной службы, правом не являться в суд в субботу и (чаще всего, но не всегда) имели право не участвовать в отправлении культа императора как бога. Под властью Каракаллы (186–217 годы нашей эры), в целом порочного и кровожадного, но довольно благожелательного к евреям правителя, их положение еще улучшилось, когда они наряду со всеми свободными жителями империи получили полное римское гражданство.

Да, патриции, аристократы и образованные люди никогда не одобряли ни иудаизма, ни роста числа прозелитов – в том числе высокопоставленных, таких, как бывший консул Флавий Клеменс, близкий родственник императора, казненный за «неверие», то есть за то, что он не признавал римских богов. Большая часть высшего класса была согласна с философом Сенекой в его оценке влияния иудаизма («побежденные дали закон победителям») и с историком I века Тацитом, утверждавшим в своей «Истории» (кн. V, 5), что еврейская религия угрожала Риму, унижая его традиционную мораль. Другие латинские писатели осуждали еврейское религиозное легковерие: *credit Judaeus Apella* («пусть еврей Апелла верит этому») – латинский эквивалент поговорки «рассказывай это своей бабушке»; шутка основана на том, что на латыни *a pella* означает «без крайней плоти (*pellis*)». О непрестанном прозелитизме свидетельствует издевка Горация, обращенная к его друзьям-поэтам: «Нас много, и, подобно евреям, мы заставим вас присоединиться к своей шайке».

Между тем евреи, привезенные из Палестины, ценились как прекрасные рабы для работ вне дома, отличавшиеся сильной мускулатурой. Тацит в «Истории» писал, что их тела «здоровы и сильны, пригодны для переноски тяжестей» («*Corpora hominum salubria et ferentia laborum*»). О справедливости этого утверждения свидетельствует осуществленный Веспасианом грандиозный проект – постройка здания, призванного заменить воздвигнутый его одиозным предшественником Нероном эксцентричный Золотой дом и известного римлянам как амфитеатр Флавиев (назван по фамильному имени императора). Величественный Колизей был построен рабами-иудеями, взятыми в плен при падении Иерусалима. Это достижение евреев до сих пор является главным символом Рима как Вечного города.

Поскольку все дороги в то время вели к центру империи и к воплощению ее городской жизни, разумеется, все желавшие улучшить свое материальное положение или сделать карьеру направлялись к его ярким огням, к его хлебу и зрелищам – так же, как самые смелые и лучшие люди из всех провинций Австро-Венгерской империи стремились в роскошную Вену. Еврейское население в такой же пропорции можно было обнаружить в каждом городе огромной империи. Иосиф Флавий утверждал, что «нет народа в мире, среди которого не было бы наших людей». Размеры общины во времена Иосифа Флавия составляли примерно восемь миллионов человек; среди населения Рима, составлявшего приблизительно тридцать миллионов, возможно, каждый четвертый житель был евреем.

Не все они были пришельцами из Иудеи. Современные исследования показывают, что многие из них, а может быть, даже большинство следовавших Торе римских подданных не были чисто еврейского происхождения. Римский историк II–III веков. Дион Кассий был уверен, что вообще «всех соблюдающих еврейские законы можно называть евреями, из какого бы народа они ни происходили».

Экспансия иудаизма, вовлекавшего обращенных из других наций, началась уже в последние два века перед рождением Христа, когда хасмонейские правители активно распространяли еврейскую религию среди окружающих народов мечом и *измелем* – ножом для обрезания. Все больше амонитян, моавитян, а также соотечественников Ирода – эдомитян, или идумеев, становились израильтянами, включаясь в число евреев. В более позднее время к обращению не принуждали насильно. Хотя сегодняшние ортодоксальные евреи не слишком одобряют переход

в иудаизм, неевреи классического мира видели в иудаизме привлекательную и гостеприимную религию. Интеллектуалы с течением веков все меньше и меньше верили в старых языческих богов, руководствовавшихся чувственными побуждениями и свирепыми нравами. Почитание Торы и вера в пророчества Моисея привлекали все больше людей, которые, по словам историка Светония, «публично не объявляя о своей вере, жили как евреи».

В восточных провинциях империи греки-язычники, известные под греческим словом *себоменои* (по-гречески «почитатели (Бога)») или еврейским *йереим*, называемые в Талмуде «прозелитами ворот», тысячами стекались к синагогам – по слухам, их число доходило до миллионов. Так или иначе они отвергали богов, придерживались законов кашрута и соблюдали субботу. Ювенал выражал недовольство:

Выпал по жребью иным отец – почитатель субботы:
Лишь к облакам их молитвы идут и к небесному своду;
Так же запретна свинина для них, как и мясо людское²¹.

Требование обрезания было препятствием к полному обращению взрослых мужчин, но, ворчал сатирик, их сыновья могли стать евреями в самом настоящем, физическом смысле.

Согласно надписи, обнаруженной в анатолийском Афродисиасе, около половины тех, кто платил взнос на синагогу, были скорее почитателями единого Бога и их потомками, чем этническими евреями-иудеями. Многие *себоменои* продолжили почитать Бога в рамках секты, превратившейся в общину христиан, которая требовала от своих адептов лишь веры вместо болезненной операции. Однако уже после окончательного разрыва между Церковью и Синагогой раздавались жалобы отцов Церкви на то, что даже после того, как император Нерва в конце I века нашей эры освободил христиан от уплаты «еврейского налога» (*fiscus Judaicus*), движение в обратном направлении все еще продолжалось.

---

²¹ Сатира XIV (пер. Ф.А. Петровского).

Корзина да сено

Чтобы узнать больше о древней еврейской общине, спустимся в погребальные катакомбы, расположенные возле древних дорог, которые вели когда-то из города во всех направлениях. Часть волшебства современного Рима состоит в том, что многие из античных примет города хорошо сохранились вместе со своими названиями. Например, мы и сегодня можем прогуляться на запад по Портовой, или Остийской, дороге, которая приведет нас через Портювые ворота в стене города в прибрежную Остию – мимо забавляющего многие поколения археологов древнего объявления, запрещающего выщарапывать (*scari phare*) на стенах граффити. По Номентанской дороге мы можем поехать на северо-восток, минуя место, где раньше находились Коллинские ворота, мимо руин построенных Диоклетианом гигантских бань, занимающих площадь в 13 гектаров (столь огромных, что они могли вмещать одновременно до 3000 купающихся), мимо громадных преторианских казарм, символизировавших и осуществлявших личную власть императора.

Наверное, особенно стоит прогуляться по Старой Аппиевой дороге, первой и самой известной магистрали между городами, ведущей на юг, в Таранто и Бриндизи, по дороге, которую Гораций назвал царицей длинных дорог (*longarum regina viarum*), которая обессмертила имя цензора Аппия, начавшего ее строительство в 312 году до нашей эры. И сейчас, в XXI веке, можно погулять там, где некогда гулял поэт Ювенал, с внутренней стороны стены Сервия, снаружи которой собирались бездомные еврейские бедняки:

Друг мой, пока его скарб размещался в единой повозке,
Остановился у старых ворот отсыревшей Капены.
Здесь, где Нума бывал по ночам в общенье с подругой,
Ныне и роща святого ключа сдана иудеям,
И алтари: вся утварь у них – корзина да сено²².

Оставив за спиной широкий еврейский рабочий квартал с узкими тесными улочками, по обеим сторонам которых теснились *инсулы* – жилища бедноты, порой построенные из негодного материала и нередко обваливавшиеся, мы миновали бы двойной храм, посвященный божествам Славы и Добродетели, прошли бы под гигантскими сводами циклопической стены великолепных бань Каракаллы и под аркой Друза, под которую сливали воды из бань, и вышли бы через Аппиевы ворота, сейчас называющиеся воротами Сан-Себастьяно, находящиеся во внешней Аврелианской стене города.

Если бы мы выбрали этот путь в классические времена, то минут через двадцать ходьбы с удовольствием увидели бы поля и смогли бы вдохнуть свежий воздух – после зловонных хижин и кожевенных фабрик, цехов по производству клея, рыбных соусов, дубильных и других ремесленных цехов, которые запрещено было строить в пределах города. Здесь открывается романтический вид на расположенные вдали отроги Албанских холмов, на остатки потухшего вулкана (на его склонах римские буржуа строили – и строят до сих пор – свои летние резиденции); мы увидели бы дорогу, простирающуюся на многие километры, вдоль которой – могильные камни, надгробия и мавзолеи из гранита, мрамора и кирпича, украшенные фигурной штукатуркой либо раскрашенные белилами или красками. Это настоящий город мертвых, куда римляне приходили по ночам, чтобы при свете факелов похоронить своих близких.

Сразу за вторым столбом – указателем числа миль у края дороги мы увидим изящный каменный портик, вероятно некогда украшенный *менорой* – канделябром-семисвечником,

²² Сатира III (пер. Д.С. Недовича).

главным еврейским символом с древних времен; позади портика ступени ведут вниз в Аппиевы катакомбы – подземный лабиринт туннелей, галерей и погребальных камер (*кубикул*), где поколения более бедных римских евреев, которые не могли позволить себе могилу на поверхности, погребались в стенных нишах (*локулах*).

Еврейские катакомбы теперь закрыты для посетителей, и как минимум одна их часть, сразу за Остийскими воротами, погибла вследствие оползня. Но из надписей на нескольких сотнях мраморных табличек над погребальными нишами, содержащих восхваления Бога, мы узнаем больше, чем могли бы ожидать, об общине, жившей здесь в первые четыре столетия нашей эры. Мы прочтем по крайней мере о дюжине синагог, из которых одни названы по своему местоположению (синагога общины Марсова поля, синагога общины Сабура), другие – в честь знаменитых личностей, почитаемых общиной (синагога Августанов, синагога Агриппанов), третьи – в честь неизвестных, возможно, их основателей (синагога Волумниуса, синагога Элиаса), еще одна группа синагог названа по месту происхождения общины (синагога Евреев, синагога Триполитанцев).

Каждую синагогу возглавляли *геросиарх* – управляющий старшина (который мог быть *иереем*, членом касты когенов) и совет управляющих-*архонов*, которым помогали старшины-*пресвитеры*, писцы-*грамматеи* и хранители-*фронисты*. Те, кого называли *патер* (отец) или *матер* (мать) синагоги, вероятно, были щедрыми жертвователями. Одна из надписей гласит: «Ветурия Паула, ушедшая в свой вечный дом, жившая 86 лет и 6 месяцев. Прозелит в течение 16 лет, [еврейское имя] Сара, мать синагог Марсова поля и Волумниуса. Покойся в мире».

Многие надписи, титулы и памятные посвящения сделаны не на латыни, а по-гречески – иногда латинскими буквами, нередко с ошибками. Большинство имен (например, Евтих или Евангелос) скорее греческие, чем латинские. Из 534 имен, известных по надписям в катакомбах, 405 греческих, 123 латинских и только 5 древнееврейских или арамейских. Более того, распределение имен позволяет предположить, что существовали отдельные синагоги для говоривших на латыни, греческом или древнееврейском – так же как и общины были разделены по языковому признаку: между консервативными евреями, молившимися на древнееврейском, и другими, обращавшимися к Богу на двух национальных языках.

Это приводит к выводу, что римские евреи были разделены по своей культурной ориентации и что раскол между восточными и западными евреями восходит еще к классическим временам. В этом отношении евреи не отличались от прочих римлян. Греческий был языком общения для большей части населения восточной части империи. Образованный класс был по большей части двуязычным. Для увеличения числа читателей авторы должны были писать по-гречески. Первые сочинения по истории, написанные римлянами, например утраченные анналы патриция Фабия Пиктора, были написаны на греческом языке. Здесь было скрыто противоречие. Римляне победили греков силой оружия, но греки превзошли римлян силой интеллекта. Рим заимствовал добрую половину своей культуры у побежденного народа, и чаще всего на улицах Рима можно было услышать греческую, а не латинскую речь. Иначе быть и не могло, ведь многие римляне из высшего и среднего классов воспитывались и обучались греческими рабами и вольноотпущенниками. В результате у римлян возникло амбивалентное отношение к их восточным братьям. Греческий образ жизни был привлекателен и соблазнителен, но всё же это был образ жизни побежденной и поработанной нации.

Недоверие и нелюбовь бывают взаимными. Позиция греков и евреев по отношению к их богатым и всемогущим римским правителям, возможно, сродни сегодняшнему отношению части народов мира к американским властям. Раввины писали в Мишне:

Рабби Иегуда сказал [о римлянах]: «Как прекрасны деяния этого народа: они строят рынки, они строят мосты, они строят бани». Раздраженный Шимон бен Йохай ответил: «Что бы они ни строили, они строят для себя: строят

рынки, чтобы содержать там шлюх, бани, чтобы там наслаждаться, и мосты, чтобы взимать плату» (трактат «Шабат», 33b)²³.

Культурное и языковое напряжение делало империю хрупкой, два ее крыла начинали колебаться в разном темпе. Провинции уже раскололись на латинскую и греческую части – это случилось во время гражданской войны, последовавшей за убийством Юлия Цезаря. Новому императору Августу понадобилось применить силу и жесткость, чтобы снова соединить две части воедино. На протяжении почти трехсот лет запад был достаточно силен, чтобы не допускать разрыва, но вскоре он стал неизбежен.

---

²³ За это замечание Шимон бен Йохай был приговорен к смерти, он был вынужден бежать и 12 лет скрываться в пещере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.